

Снимок - воспоминание

«И я верю в такого актера...»

В КОНЦЕ шестидесятых годов собрались молодые кинематографисты, чтобы обсудить свои творческие проблемы и решить вопрос, который многих тогда волновал: должен ли режиссер, по ехидному выражению Шкловского, «быть лишь подсвечником для актера», который, словно свеча, озарит мир, или же у современной режиссуры иные задачи. У выступавших были разные точки зрения, но особенно запомнился Андрей Тарковский, уже снявший к тому моменту «Иваново детство» и «Андрея Рублева».

...Опубликовать его выступление не удалось, и две с половиной страницы лежали и лежали. Вспомнила о них, когда, поехав по делам на «Мосфильм», увидела старый снимок, сделанный еще во время работы над картиной «Андрей Рублев».

Все уже готово к съемкам, идут последние уточнения. Соловнин слушает замечания Тарковского...

МЫ СВОЮ профессию режиссера часто не желаем ставить в ряд искусств. Неужели можно серьезно, если ты художник, ставить на первое место вопрос: как тебе работать с актером! Не потому, что это неинтересно. Просто нельзя на него дать однозначный ответ: эта проблема просто бездонна. Это так же трудно, как написать хорошую песню, создать живописное полотно. Мы, кинематографисты, часто думая, что говорим о профессии, говорим на самом деле о ремесле, причем на таком низком уровне, что не хочется вступать в полемику.

Я не отношу к режиссуре умение работать с актером, потому заранее предполагается, что актер, приглашенный сниматься, и режиссер сделают то, что они задумали.

Один режиссер может хорошо сделать раскладку фильма, а другой — нет, так из этого следует, что один — хуже, а другой — лучше! Конечно, нет! Я знаю режиссеров, которые мыслят сценами, как результатом взаимодействия актера, художника, гримера, декораций. Другие мыслят иначе. Не в этом дело. Режиссура, на мой взгляд, это искусство, которое мы должны постигать чувствами! Это искусство, требующее абсолютной самоотдачи.

...Часто спрашивают, как режиссер выбирает актера. Перед нами стояла проблема найти исполнителя на роль Андрея Рублева. Мы начали проводить пробы и поняли, что невозможно пригласить на эту роль известного актера. Глеб Панфилов, учившийся тогда на Высших режиссерских курсах, однажды принес мне фотографию актера и сказал: «Это очень интересный человек». Прошло время. Я уже начал забывать об этом, потому что эта любительская фотография не отражала характера. Вдруг в Москву приезжает Анатолий Соловнин. Его никто не вызывал. Приходит к нам в съемочную группу. Руки у него трясутся, он не может сказать ни слова, нижняя губа — «деревянная». Вид у этого человека такой, словно сейчас его будут убивать. И видно, что ему очень плохо. Наконец он говорит: «Я буду играть Рублева».

Это ответ на вопрос, каким бы я хотел видеть Актера. Вот таким неистовым, безумным, причем ведь он нормальный человек, просто у него тогда возникло такое состояние, что если он не сыграет эту роль, то никто другой ее не сможет сыграть. И более того, все вообще порушится, и он погибнет. То есть он это воспринял как свою личную проблему. Я долго с ним говорил, и стало ясно: это личность, а не актер актерыч.

И я верю в такого актера: он не пойдет сниматься к режиссеру, который ему не нравится. Он станет работать с тем режиссером, который будет жить с ним замыслом. И только так может получиться хорошая картина.

...Среди режиссеров я встречал молодых людей, которые ставят картины, не зная, что и зачем они снимают. Они готовы взять любой сценарий. У них нет своих концепций, глубоких идей, чтобы доказать, что его гражданственная позиция наиболее правильна. Не могу представить себе, что есть режиссеры (и себя считаю таким же), у которых не было бы внутреннего желания сказать самому себе: «Нет, я посижу, подумаю». Но дают картину, и ее берутся сделать без всякой внутренней готовности к этому. Мы все время чего-то хотим. Но надо иметь на это право.

А. Тарковский

...ТАРКОВСКИЙ жил тогда в старом доме в Орлово-Давыдовском переулке. По дому бегал маленький мальчик, который с интересом разглядывал, что папа так внимательно читает. Тарковский посмотрел изучающе на меня и спросил: «Хотите напечатать»? «Да» — искренне сказала я. Он взял авторучку и расписался. А опубликовать довелось только спустя много лет...

Л. ВАСИЛЬЕВА.

35